Борис КУТЕНКОВ

ЖИЗНЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ

Стихотворения

***

Чай, заварка, вскипающий чайник.
В тишине – стук да стук рафинада.
Внешне – правильно, чётко, печально.
Чётко, грустно и правильно – с виду.
Чётко, грустно… Не надо, не надо,
я устал от вечернего быта,
от квартирного тесного ада.
Что-то сбилось. Идёт как не надо.

Этот чай нагревается долго,
остывает устало и душно,
сахар крошится больно и колко.
Хватит, господи, больше не нужно.
Сколько их, ритуалов несчётных,
никакого на смену, на смену.
Взять бы чашку за пухлые щёчки –
и об стену, об стену, об стену.
Пусть летит, замирая на взрыве,
чтоб отчаянно взвизгнуть – и смолкнуть.
Это, господи, жизнь в перспективе,
распластавшая крылья-осколки.
Не достигшая радужной цели,
не сумевшая сбыться, смириться.
Жизнь, которая так хотела
всего лишь летать, как птица.
И глядит в темноту на последнем свету,
не умея ни плакать, ни злиться.

* * *

Как провожают уходящих навсегда, -
не как иных, не уходящих навсегда.
Зима, ночной перрон, и зубы в два ряда
о пластиковый чай.
В замёрзшем горле вырастает человек,
как снегу прежнему на смену - новый снег.
И чтобы он сейчас не прыгнул из-под век -
шути, болтай, крепчай.

Не надо слёзностей, заламываний рук.
Как звуку прежнему на смену - новый звук,
останется тебе - и-мэйл, контакт, фэйсбук.
Дрожит фонарный круг.
Как было много их - из сердца, с глаз долой,
на кон поставивших болотистый покой,

умеющих рывком покончить с маетой,
и с прошлым, и с тобой.

Так старше стал на человека - человек.
Так веку новому - на смену прежний век.
С уходом каждого - привычнее беда:
так застывает лёд.
Так провожают уходящих навсегда:
лишь ты стоишь, пока уходят поезда.
А кто-то "Не скучай" начертит на окне.
И мимо проплывёт.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Так нынче в комнате светло,
что кажется - темно.
Так сердце от беды свело,
что кажется - в стекло
стучит, выпрашивает пай:
немного хлеба, крепкий чай.
Качаем люльку, баю-бай.
Ребёнок, засыпай.

Пускай приснится тёплый дождь
и добрый китоглот.
У каждого на сердце ложь
и свой к другому счёт.
Ну а с тобой - наоборот,
ты был и есть - наоборот.
Стучи, стучи, базарный грош.
Блаженствуй, обормот.

Ты скоро вырастешь, пойдёшь,
куда беда ведёт.
Ну а пока - напрасно ждёшь:
ушла и не придёт.
Важней всего её покой.
Порядок на душе у ней.
А в комнате - мороз такой,
что нет его страшней.

Там город с тысячей дорог
и люлькой подвесной,
где бережно сопит вьюнок -
бесёныш заводной.
Ему назавтра - пир горой,
кастрюлька с беленькой лапшой.
И дивный мир у детских ног -
волшебный и большой.

***

Не научившись жить по чьей-то мудрой воле, -
лишь гибнуть по своей - и видеть наперёд, -
заглянешь за окно: там вечный дворник Коля
весь дивный этот мир метёт себе, метёт.
Что снег ему, что зной, - в треухе непременном.
Печаль пустых очей, как водится, светла.
Сияй, сияй, дыра у правого колена,
лети, моя листва, мети, его метла.
Мети, мети за всех, кто умерли и живы.
Вот - в клеточку листок, в линеечку - тетрадь.
Такие, оп-ля-ля, гражданские мотивы,
такое вот, браток, уменье рифмовать.
Вот - сонный мой диктант, примеры-уравненья,
имён безличных ряд и скорый перегной;
под уличный шансон, упорно, муравейно,
движением одним равняй меня с землёй.
Я так хочу, как все. Смирись, моя страница,
пусть пёстрый на свету сгорает черновик.
Когда б ты знала сор, из коего язвится
язвительность моя, таблетка под язык, -
ты глянула б не так на мой избыток бреда.
Я отойду, а он останется мести,
оплакивать, сгребать и складывать в пакеты;
мне тяжело дышать, но я в пути, в пути.
И рвутся из груди родные -оро, -оло.
Закончен марафет, лишь алый льётся свет
на всё, как быть могло, как будет скоро, скоро,
чему названья нет и будущего нет.

***

И исшед вон … плакася горько.
(Евангелие от Луки. 22:61-62).

Человеку снится туман, золотые льды,
будто нет никакой любви, никакой беды,
ни ночных звонков, ни дневной череды обломов.
Будто все пришли, кто не может уже прийти,
кто давно иные избрал пути:
сходят с мраморных плит и советских фотоальбомов.

Каждый снова молод, хорош, правдив,
в рюкзаках у них непростой мотив:
две струны, трын-трава, недоучка-скрипка.
Вновь аккорды знакомые ищет во сне рука.
Завтра будет зыбкой его тоска,
как сейчас – неподдельна его улыбка.

Оживают сразу столько любимых черт,
окружают его, поздравляют неясно с чем,
достают стаканы, коньяк и шпроты.
Человек просыпается на заре,

понимает, что на календаре
нынче праздник Страстной субботы.

Человек опять невесел, незряч, несмел,
не умеет смеяться, как не умел.
Тёмен день, и во мраке сада туманны лица.
Чем бессмертней – тем ярче пылают черновики:
так славней всего изменяют ученики,
и на смерть за тобой готовые, и в темницу.

И опять колыма: на работу-домой-домой.
Тащит крест в одиночку, ещё он живой-живой.
А посмотрит в зеркало – отшатнётся:
там в глаза ему младенец глядит седой,
на него не похож ни одной чертой,